

НАВСТРЕЧУ ОБНОВЛЁННОЙ ПРЕДЫСТОРИИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГЕНОВ, КУЛЬТУРЫ И МИГРАЦИОННЫХ ЭКСПАНСИЙ^{1,2}

Кристиан Кристиансен

В статье представлена теоретическая основа, объясняющая различные формы миграционных экспансий и их соотношение с генетическими и культурными изменениями, а также трансформациями в пространстве в течение V—I тыс. до н.э. Рассматриваются три формы экспансии: колонизация новых территорий земледельцами, пастухами, завоевателями. Также в работе изложены механизмы функционирования культурной инклюзии и эксклюзии. Наконец, обсуждаются аспекты будущего генетической революции и её последствий.

Ключевые слова: миграционные экспансии, культурная инклюзия, культурная эксклюзия, генетическая революция в археологии, доисторическая Европа, Европа бронзового века, политическая антропология, способы производства, неолитизация.

Кристиансен Кристиан, профессор археологии факультета исторических исследований Гетеборгского университета и аффилированный профессор Института Земли Копенгагенского университета, Дания.

E-mail: kristian.kristiansen@archaeology.gu.se

Kristiansen Kristian, Professor of Archaeology at the Department of Historical Studies at the University of Gothenburg and Affiliated Professor at the Globe Institute, University of Copenhagen, Denmark.

Перцев Дмитрий Михайлович (перевод), кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории антропологии Северной Пацифики Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

E-mail: dima.percev.91@mail.ru

Pertsev Dmitriy Mihailovich (translation), candidate of Historical Sciences, Researcher, Laboratory of Anthropology of the North Pacific, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

¹Прежде всего, я хотел бы выразить сердечную благодарность Тимоти Эрлу. Его замечания оказались полезны в нашей дискуссии об экономических способах производства. Результаты обсуждения отражены в совместной статье. Я также многим обязан сотрудничеству с Фолькером Хейдом в рамках проекта по изучению культуры колоколовидных кубков. Итоги работы суммированы в нашей статье. Наконец, я высоко ценю деятельность группы учёных Эске Виллерслева из Центра геогенетических исследований Лундбега в Копенгагене и благодарю их за совместную работу, начиная с 2011 г. Спасибо Ричу Поттеру за то, что согласился составить изображения для статьи.

²Перевод выполнен по изданию Kristiansen K. *Towards a New Prehistory: ReTheorizing Genes, Culture, and Migratory Expansions* // *Homo Migrants: Modeling Mobility and Migration in Human History* / Eds by Daniels, Megan. Albany: SUNY-Press. (Proceedings from a Conference in Buffalo, March 2018). P. 1—33.

ТРЕТЬЯ НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Сегодня археология переживает третью научную революцию (Kristiansen 2014)³. Первая из них, дарвиновская революция, обогатила археологию принципами стратификации и пониманием сущности эволюции (1850—1860). Вторая, т.е. радиоуглеродная революция, способствовала установлению абсолютной датировки археологических культур (1950—1960). И, наконец, третья, генетическая, или ДНК-революция, позволяет археологам исследовать проблемы доисторических миграций и палеогенетики (2010—2020). Иначе говоря, случился качественный переход от относительного, неполного знания к абсолютному⁴. Работа с ДНК позволит уйти от археологических пространственных описаний в пользу объяснений конкретных процессов (рис. 1). До революции ¹⁴C археологи накапливали материал, классифицируя его, а датировки доисторических культур были весьма относительны. Как теперь известно, доисторические периоды, предшествующие бронзовому веку, оказались значительно древнее предполагаемых. С появлением радиоуглеродного анализа удалось точно датировать археологические культуры, что способствовало переходу к объяснениям процессов, породив, таким образом, Новую археологию. Эти научные революции — революции, несомненно, интеллектуальные, продвинувшие теоретические обобщения и интерпретацию собранного археологами материала далеко вперёд.

Секвенирование палеогенома, т.е. определение его аминокислотной и нуклеотидной последовательности, начиная с 2010 г. показало, что наше понимание культурных трансформаций, во всяком случае до железного века, оказалось ложным. Выяснилось, что именно крупные миграции народов были ответственны за масштабные перемены в культуре Евразии бронзового века начиная с эпохи неолита (Allentoft et al. 2015; Haak et al. 2015, Olalde et al. 2018). Иначе говоря, мы оказались плохо подготовлены к ДНК-революции, несмотря на то, что в течение 10 лет изучали изотопную подвижность стронция, доказывающую, что доисторические сообщества на самом деле были мобильнее, чем думалось. Д. Энтони и я, впрочем, обращали на это

³ См.: Lucas 2015; Nestupny 2012; см. также: Sørensen 2017.

⁴ Впрочем, это отнюдь не означает, что нельзя спорить относительно совершенствования методик исследования. Пример — калибровка кривой ¹⁴C. Точно так же можно обсудить, как анализируются данные древней ДНК (*ancient DNA*) с использованием статистических методов (подр. см.: Kristiansen 2019). Тем не менее необходимо помнить, что на некоторые типы вопросов можно ответить с определённой долей вероятности и только в случае, если данные генетики точны и верно секвенированы. Напомним, что сведения по датировкам, полученные благодаря применению радиоуглеродного анализа, наравне с информацией по генетике могут использоваться повторно благодаря составлению крупных баз данных.

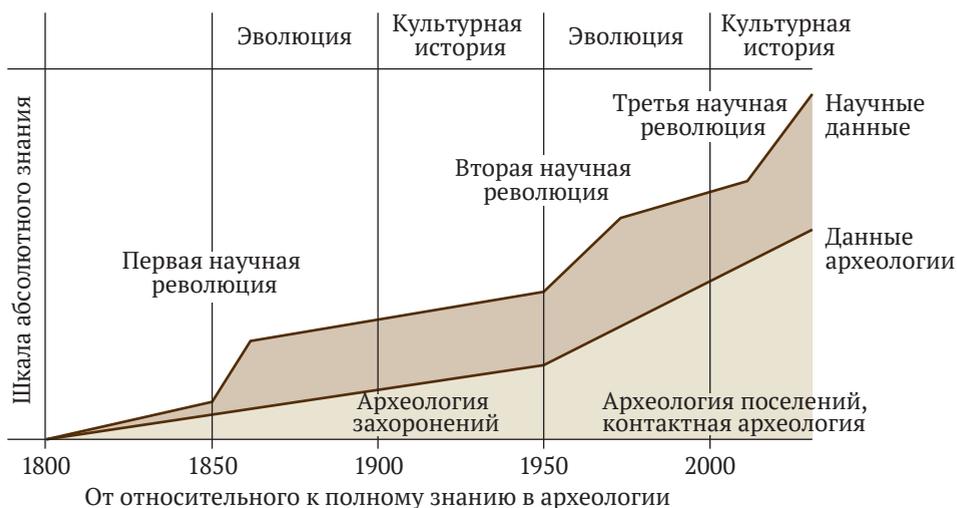

Рис. 1. Развитие научных революций в археологии: накопление данных, установление датировок, переход от относительного к абсолютному знанию в tandem с продолжающимся процессом приумножения археологической информации

внимание в ряде публикаций (Anthony 1990; Kristiansen 1989). Вопрос освещал и С. Бурмайстер (Burmeister 2000). Проблему рассматривали, конечно, и в диссертациях, правда, без чётких выводов, содержащих данные относительно миграций в Германии (Andresen 2004; Prien 2005). В книге 2005 г. «Расцвет общества бронзового века» Т. Ларссон и я, вдохновлённые работами М. Хэлмс, изучали влияние доисторических миграций на трансформацию культуры в эру бронзы (Kristiansen, Larsson 2005: chapter 1-2). Мы показали, что мобильность была одним из ключевых, если не ведущих, факторов, трансформировавших доисторические культуры Евразии. Традиционная археология, однако, до сих пор не рассматривает это наблюдение всерьёз. Тем не менее теперь, благодаря палеогенетике, наши предположения о важной роли миграций подтверждаются, более того, сегодня это уже не относительные догадки, но абсолютная очевидность.

ВЫЗОВ, СТОЯЩИЙ ПЕРЕД НАМИ

Очевидно, наша задача — разработать более совершенные теоретические основы для понимания связей между генетическими и культурными трансформациями чтобы обеспечить более тесное сотрудничество археологов и генетиков. Кстати говоря, на это уже указывалось в недавних дискуссионных статьях (Callaway 2018; Eisenmann et al. 2018; Furholt 2018; Ion 2017; Kristiansen 2019; Sørensen 2017a). Теоретическая переориентация, на мой взгляд, должна быть направлена на единение микро- и макроперспектив; генетика, а также анализ

стронция позволяют осуществить задуманное (Frei et al. 2015; Frei et al. 2017; Kristiansen et al. 2017) не только на макроуровне, но и на локальных примерах (Whittle 2018). Однако я хочу сосредоточиться на другом, а именно на людях и их социальных институтах, технологиях и культурной среде как движущих факторах перемен. В этой связи я обращаюсь к марксизму. Материалистическая, марксистская точка зрения позволяет понять, что вещи сами по себе не такие, какими представляются. Речь о фетише. Фетиш — объект, которому вверяется обладание сверхъестественными способностями. К. Маркс ввёл это понятие, чтобы обозначить таким образом деньги и рынок в период первоначального накопления капитала. Либеральные экономисты приписывали им саморегулирующуюся силу, которая, по К. Марксу, была только производной процесса труда: производство, распределение, потребление (Marx 1953, 1974: introduction). По мнению теоретика, не включившего стоимость труда в уравнение, получалось, что прибыль может волшебным образом вырасти из-за рыночного спроса и разницы в ценах, но не благодаря труду (Marx 1953, 1974). Большую часть жизни К. Маркс провёл в попытке, отчасти неудачной, научно продемонстрировать, как функционировал капитализм (Liedman 2018). Я подчёркиваю: так же мы можем приписать фетишизм современной теории вещей и постгуманизма (Hornborg 2016). По А. Хорнборгу, фетишизм в более широком понимании представляет собой ложное присвоение власти — «перенос ответственности на объекты в паутине социальных отношений, где политическая деятельность людей не очевидна» (Hornborg 2016: 172, note 13).

Таким образом, при критическом сравнении с марксистским материализмом так называемый новый материализм в археологии (Witmore 2014), антропологии (Coole, Frost 2010) — это скорее псевдо-теория, не учитывающая роль людей в истории, а потому не способная объяснить исторические процессы. В книге «Всемирная магия» А. Хорнборг определил данное явление как отказ от реляционизма и, следовательно, отказ от признания ответственности людей за определённые исторические события, сводя объяснения глобальных экологических проблем исключительно к естествознанию. Третья научная революция обращает внимание на новую междисциплинарную теорию истории и поведения людей, базирующуюся на материальных основах существования.

Стимулом обновления социальной теории является понимание первичной роли институтов организации общества и власти (Kristiansen, Larsson 2005: chapter 1-2). Для их изучения приходится обращаться к материальной культуре и языку, которые обеспечивают понимание социальной идентичности, а также норм поведения. Таким образом, путём институализации технологий и экономики через материальную культуру, пропитанную символической силой (фетишизм), социальные и религиозные сети формируют производственные отношения,

оказывая влияние и на власть. На рис. 2 я резюмирую именно эту связь. По А. Геллу (1988), отношения между людьми проистекают из социальной организации политической экономики посредством управления вещами, наполняемыми символической властью. Влияние на людей осуществляется благодаря обеспечению доступа к престижным товарам и их распределению. Подобная динамика прослеживается уже в палеолите и сохраняется даже в период индустриальной революции. Следовательно, марксова теория применительно ко всемирной истории, начиная с палеолита и заканчивая временем мир-систем, в определённой степени эффективна (рис. 3).

Таким образом, политэкономия и её способы производства нужно понимать эксплуататорскими, так как в рамках конкретного способа производства определяется способ получения доступа к экономическому базису для институализации власти. Важно верно

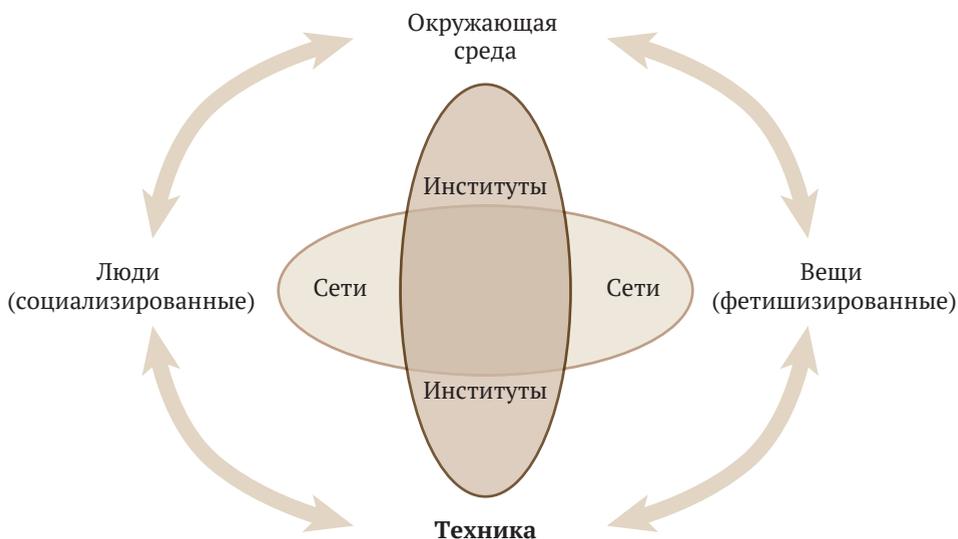

Рис. 2. Модель основных организующих категорий общества и их динамики

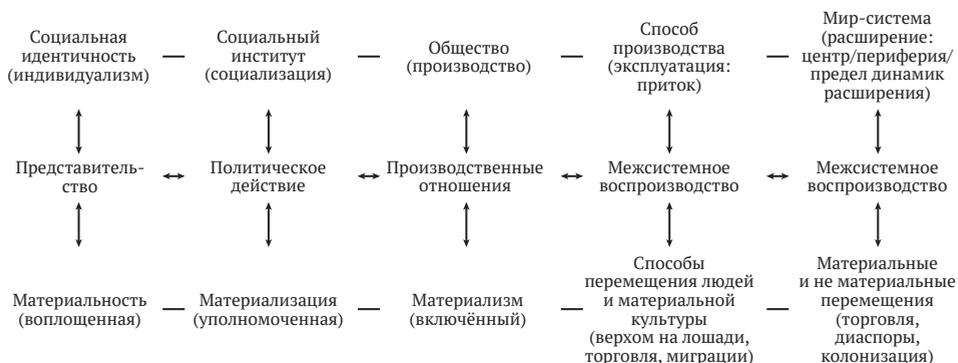

Рис. 3. Концептуальная модель организации власти в человеческих сообществах, учитывающая динамику её формирования на микро- и макроуровнях

интерпретировать организацию производства, обращение и, конечно, потребление — ключевые характеристики производственных отношений. Основная теоретическая проблема, впрочем, заключается в том, чтобы разъяснить, как избыточные труд и богатство возникают и распределяются, ибо это влияет на динамику миграций. Данные критерии диалектически связаны, что я продемонстрирую ниже на примере повторяющихся исторических обстоятельств.

Взяв приведённое положение за отправную точку исследования, далее я буду внимательно анализировать природу, или сущность, миграций и их движущих сил⁵.

ФОРМЫ МИГРАЦИЙ И МОБИЛЬНОСТИ

Недавний анализ генетических и стронциевых данных позволил довольно точно охарактеризовать различные формы экспансии: генетическое воздействие на древние локальные культуры и их социальную организацию (Amorin et al. 2018; Knipper et al. 2017; Mitnik et al. 2019; Sjögren et al. 2020; Veeramah 2018). Однако для детального рассмотрения различных типов экспансий и колонизаций требуется сравнительный анализ на основе археологических и антропологических данных. Говоря об этом, я имею в виду работы Д. Энтони (Antony 1997), К. Госдена (Gosden 2004), А. Кристинссона (Kristinsson 2012), а также некоторые из моих сочинений по доисторической Европе (Kristiansen 1998). На перечисленные исследования я планирую опереться. Далее я попытаюсь рассмотреть различные формы мобильности и соотнести их с генетическими и археологическими данными. Сформулированные соотношения в действительности могут принимать разные формы, и, следовательно, на их основе можно делать некоторые выводы лишь от случая к случаю, а позже начать теоретизирование. Отмечу: зачастую, как окажется, различные типы расширения в пространстве принято объяснять влиянием миграций, что не совсем точно (Kristinsson 2010, 2012).

Колонизация путём расширения / Колонизация благодаря сообществам

«Простейший тип цикла экспансии — колониальная, когда обрабатывается ранее не изведанная территория. Иной вариант: увеличение пашни путём введения в оборот новых районов вследствие улучшения

⁵ В этой статье я не рассматривал роль микробов и болезней, а также эпидемий, например чумы (Rascovan et al. 2019), которые, несомненно, влияли на процесс миграций и их исход. Однако сущность и влияние эпидемий необходимо понимать в связи с типом социально-экономической организации того или иного сообщества, определяющего их воздействие.

сельскохозяйственного инвентаря» (Kristinsson 2012: 378). Впрочем, можно говорить и о таком варианте, когда территории, занятые малочисленными группами, например охотниками-собираателями, отбились у них в силу невозможности противостоять многочисленным и вооружённым колонизаторам. Этот сценарий характерен для неолитической экспансии крупных земледельческих общин в доисторическую Европу. Согласно недавним данным генетики, можно утверждать, что, например, сообщества, принадлежащие к археологической культуре линейно-ленточной керамики (Linearbandkeramische Kultur, LBK), колонизируя новые земли, могли мобилизовать достаточно рабочей силы для вырубki лесов и возведения новых поселений (Shennan 2018). Предполагается, что генетически они — потомки анатолийских земледельцев, научивших своему хозяйству народы Греции и Балкан (Mathieson et al. 2018). В период, когда анатолийцы достигли Венгрии, произошло разделение этой крупной группы на более мелкие сообщества. Одним из них в итоге стали представители культуры LBK (Bánffy 2004, 2013, 2019). Отмечу: на первоначальном этапе колонизации они, приходя на новые земли, взаимодействовали с охотниками, но не смешивались с ними (Szecsenyi-Nagy et al. 2014). Это подтверждается этнографическими примерами (Nicolaisen 1976). В демографическом плане выявлено, что земледельцы-колонисты демонстрировали значительный рост, пока не достигли экономического предела, спровоцировав войну за ограниченные ресурсы⁶. Это привело к смешению, по данным генетики, с охотниками-собираателями и последующей колонизацией на запад и север Европы (Chyléński et al. 2017; Fernandes et al. 2018; Lipson et al. 2017).

Второй тип колонизации вовсе не похож на только что рассмотренный.

Завоевательная колонизация / Расширение системы

При таком раскладе динамика расширения не зависит от доступа к новым землям, в качестве центробежной силы выступает конкуренция социальных систем, когда сообщества передвигаются на новые

⁶ В эпоху неолита мы можем наблюдать тенденцию, правда временную, увеличения насилия и массовых убийств вследствие демографического давления на землю и ресурсы (Downey et al. 2016). Пример тому — представители культуры LBK в период её упадка. Похожая тенденция фиксируется во время экспансии обществ позднего неолита, когда возросла конкуренция за землю (Shennan 2018). Очевидно, что в наиболее поздние периоды развития культуры LBK из-за нехватки земельных ресурсов начинается её расширение в поисках новых территорий, провоцируя в то же время кризис и массовую резню. Как правило, истребление было двух видов: полное уничтожение конкурентов на новой территории либо частичное убийство мужчин и захват женщин в плен. Оба случая довольно подробно описаны в источниках (Cameron 2016). Аналогичная картина характерна и для сообществ позднего неолита (Chenal et al. 2015; Schroeder et al. 2019).

территории. Подобный феномен хотя и описан только по этнографическим материалам народа тив, занимающего юго-восток Нигерии (Sahlins 1961), характерен для большинства скотоводческих обществ. По словам А. Кристинссона, «стимулом к расширению является конкурентная среда. Представители таких культур, как правило, хотя и не всегда, говорят на одном языке и демонстрируют значительный уровень конформизма, однако их сосуществование осложняется различиями в политическом устройстве, обостряющим конкуренцию» (Kristinsson 2012: 380). Говоря о Европе бронзового века, к подобным типам экспансии следует отнести людей урнопольской культуры (Urnfield Culture), большинство культур железного века, миграции кельтов, германцев и викингов. Стимулом для расширения указанных культур оказалась возрастающая внутри них милитаризация вследствие конкуренции за ограниченные ресурсы. Итог — внешняя экспансия: «В случае если у этих сообществ имелись страты профессиональных воинов, в итоге их количество ввиду постоянных войн снижалось, и вожди были вынуждены мобилизовывать рядовых общинников для множасьихся конфликтов с соседями. Всеобщая мобилизация, таким образом, привела к демократизации общества, так как элиты более не могли эффективно управлять и подчинять вооружённое и закалённое в битвах население (Andreski 1954/1968). Подавляющее большинство людей в таких сообществах — земледельцы, заинтересованные в увеличении земельного фонда» (Kristinsson 2012: 380).

Речь идёт о социально-экономическом укладе, названном Ф. Энгельсом не иначе как германским способом производства, что, скорее всего, в действительности являлось этапом циклического исторического процесса от бронзового до железного века.

Далее. Следует «расщепить» этот тип экспансии на два: скотоводческая экспансия и экспансия земледельцев. Для функционирования обоих типов важны пространства для скотоводства и земледелия — экономических базисов, формирующих особенности социальной организации народов, проводивших экспансию. Завоеватели-скотоводы, к примеру, контролировали других номадов, торговцев либо земледельцев, в то время как земледельцы, расширяя пашню, вынуждены были обращать покорённое население в рабов. В обоих случаях, и у кочевников, и у земледельцев, первостепенная важность придавалась военной функции, предполагающей существенную милитаризацию общества.

К примеру, набеги кочевников, в том числе за скотом, довольно полно описаны в этнографической литературе (Kradin et al. 2003). Колонизация новых пространств подобным путём была характерна для номадов степей Евразии. На завоёванных территориях происходило своего рода генетическое и лингвистическое смешение или даже замещение местных сообществ кочевниками (Damgaard et al. 2018). Однако подобным миграциям предшествовали миграции культур

в Западной Евразии III тыс. до н.э.: ямная культура, культура шнуровой керамики, культура колоколовидных кубков (Bell Baker Culture) (Allentoft et al. 2015; Haak et al. 2015; Kristiansen et al. 2017).

В экономике скотоводов во избежание рисков практиковали сдачу скота и женщин в обмен на продукты и товары, что подтверждается археологически в Европе III тыс. до н.э. (Sjögren et al. 2020; Knipper et al. 2017). Изотопный анализ стронция из ряда крупных погребений культуры шнуровой керамики показывает, что похороненные мужчины в основном являлись местными, тогда как женщины — нет (Sjögren et al. 2016).

Таким образом, культуры ямной и шнуровой керамики, где основой хозяйства было скотоводство, осуществляли внешнюю экспансию очень быстро. Данный тип экономики доминировал в Европе эпохи бронзы и, таким образом, вовсе не случайно, так как в потребляемой сообществами того периода пище возросло содержание белка (Münster et al. 2018: fig. 7), что в итоге способствовало увеличению населения. Особенно после 2000 г. до н.э. (Müller 2015).

ВРЕМЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ: ДРАЙВЕРЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ КОЛОНИЗАЦИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ, СКОТОВОДЧЕСКИХ И ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫХ МИГРАЦИЙ

В этом разделе я резюмирую наблюдения об ограничениях и движущих силах экспансий, которые связаны диалектически. Несомненно, ограничения могут стать движущими силами в случае, если те или иные сообщества эволюционируют под влиянием новых обстоятельств. Как разворачивается эта динамика, наблюдается, когда социально-экономическая система, достигнув предела роста, останавливается либо вынужденно трансформируется, чтобы продолжать экспансию. Параллельно с изменениями в социальной и экономической структурах преобразования происходили в культуре материальной: к примеру, культура балканского неолита (Starcevo culture) эволюционировала в культуру LBK. Другой пример приводит Э. Банффи. Изучив данные по Венгрии, она показала, что на раннем этапе здесь была распространена культура с домами из глины в аридных, преимущественно в жарких, районах страны (cultures of «clayscapes»). С течением времени её сменила культура, распространённая в районах с умеренным климатом, где жилища строили из дерева (culture of «timberscapes»). Адаптация сообществ культуры «глиняных пейзажей» относительно представителей «лесной среды» сопровождалась увеличением в ДНК носителей первой примеси генов от охотников (Bánffy 2019).

Схожая трансформация также фиксируется, когда скотоводы ямной культуры достигли после 3000 г. до н.э. западной границы степей

Венгрии. Вероятно,номадам пришлось осесть здесь, приспособившись экономически к соседству с земледельцами, и, наконец, приостановить экспансию из-за преград — лесистых чащоб, занимавших эту часть страны. Адаптируясь к новым условиям, кочевники избрали для расселения равнины Северо-Западной Европы с открытыми лесами, которые приспособили под пастбища, что наблюдалось в промежутке 2900—2850 г. до н.э. Тем не менее, расширяя территорию обитания, они столкнулись с земледельческими сообществами, их они либо вытесняли, либо, в случае если это не удавалось, взаимодействовали с ними посредством экзогамии, т.е. путём заключения браков между кочевниками и земледельцами (Muhl et al. 2010; Juras et al. 2018; Kristiansen et al. 2017).

Наконец, нужно вспомнить завоевательные миграции II и I тыс. до н.э. и I тыс. н.э. Напомним, в I тыс. н.э. бóльшая часть данных миграций основывалась на том факте, что вождь набирал в дружину воинов, нуждающихся, прежде всего, в новых землях по причине их нехватки вследствие роста населения. Аналогичные тенденции просматриваются и среди кочевников, когда они были вынуждены мигрировать в поисках новых районов для выпаса, что приводило к организованным набегам либо торговой экспансии и колонизации земель. К этому типу завоеваний относятся и морские захваты эпохи викингов, рейды народов бронзового века доисторической Скандинавии (Ling et al. 2018), приведшие позже к массовым завоеваниям и колонизации, как, например, в случае с кельтскими переселениями или передвижениями народов железного века, стартовавшими после упадка Рима.

В заключение следует отметить, что общей тенденцией для различных форм экспансии после 3000 г. до н.э. является то, что они имеют одинаковую социальную структуру, основанную на экзогамии в сочетании с патрилокальной и патрилинейной системами родства. Если рассматривать этот процесс во времени большой длительности, *longue durée*, наблюдается, что движущей силой экспансий была индоевропейская социальная организация скотоводов даже тогда, когда сущность завоеваний новых территорий изменялась.

Обобщая, можно выделить три типа расширения территорий путём миграций и колонизаций:

1. Земледельцы-колонисты VI—V тыс. до н.э. Как правило, переселялись группами и общинами на новые земли, занятые охотниками-собирателями, с которыми они мало взаимодействовали культурно и по линии генетики (Mathieson et al. 2018). Освоение новых территорий, снижающее давление на землю, способствовало демографическому росту (Shannan 2018: 6—9). Это отражают показатели графиков сотен исторических дат на основе анализа ^{14}C (Hinz et al. 2012; Shennan et al. 2013). Когда население достигало экономического/экологического пика эксплуатации

освоенных земель, наблюдалось ухудшение состояния здоровья колонистов и их диеты (Downey et al. 2026; Larsen 2014), а также начало эндемических, т.е. непрерывных, войн и смешение земледельцев с сообществами охотников-собирателей, что в итоге приводило к новым формам колонизации незаселённых территорий Западной Европы в конце V—IV тыс. до н.э.

2. Экспансии кочевников начала III тыс. до н.э. (Goldberg et al. 2017; Kristiansen et al. 2017): это иной тип миграций, предполагавший завоевание кочевниками земледельцев. В результате кочевые общества, расширив ареал и соприкоснувшись с земледельцами неолита, вынуждены были социально и экономически трансформироваться под влиянием указанного взаимодействия.
3. Иначе обстояло дело с миграциями народов в эпоху бронзы. Среди наиболее заметных: земледельцы урнопольской культуры (Urnfield culture), население латенской культуры железного века, германцы, викинги. Эти категории культур объединяет общая схема экспансии, начинавшейся во всех случаях с рейдов и торговли, стимулировавших расширение ареала. Зачастую можно наблюдать процесс, когда конкуренция вождей обуславливала мобилизацию воинов для набегов и завоевательных миграций (Kristiansen 1998: 312—320). Пожалуй, один из известных примеров — Толлензе (Tollense) в Мекленбурге. Там с 1250 по 1200 г. до н.э. шли сражения за плодородный ландшафт между военными группами из Центральной Европы и Скандинавии (Price et al. 2017; Ling et al. 2018).

ПЛЕННИКИ И ПРОСТОЛЮДИНЫ В ЕВРОПЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Анализ миграционной активности рассмотренных племён и вождеств выявил проблему, связанную с дефицитом у них дополнительной рабочей силы, что ограничивало завоевателей в решении более существенных вопросов контроля над собственностью и производством. Впечатляющие доказательства этому приводит К. Кэмерон (Cameron 2016), иллюстрирующая, что в большинстве исследуемых обществ пленники, захваченные в результате набегов, обеспечивали от 10 до 30% состава населения. В догосударственных сообществах, до возникновения работоторговли, захваченных мужчин, как правило, убивали, а женщин с детьми подчиняли. Некоторые из пленниц вступали в брак с завоевателями, меняя, таким образом, социальный статус. Ещё одно следствие подобной практики — межкультурная война среди народов-конкурентов. Это следует из примера, который относится к III тыс. до н.э. (Mitnik et al. 2019). Имеются в виду конфликты сообществ культуры шнуровой керамики с соседями, когда женщин

захватывали, уводя с собой, а мужчин вырезали. Рассмотренная практика позволяет объяснить тот факт, что лишь две генетические мужские линии задокументированы у сообществ ямной культуры и культуры колоколовидных кубков, тогда как женских линий, относящихся к эпохе неолита, значительно больше. Согласно этим данным происходило истребление мужского населения эры неолита, соответственно, уничтожался их репродуктивный вклад в будущие поколения. Однако благодаря войнам в сочетании с набегами за женщинами пастбищное хозяйство сообществ ямной культуры эволюционировало в земледельческо-скотоводческую экономику, оформив в итоге новую археологическую культуру шнуровой керамики. По-видимому, именно так происходит взаимодействие, единение между различными социальными формациями, культурами и экономиками (Cameron 2016: chapter 5). Вероятно, аналогичная ситуация приключилась с приморскими сообществами культуры колоколовидных кубков в Иберии, когда, двигаясь вдоль атлантического побережья на север по коридору Рона-Рейн (Rhone-Rhine), они встретились с людьми, принадлежавшими к культуре шнуровой керамики, владевшими металлургическими и морскими технологиями. В результате смешения возникла культура воронковидных кубков (Case 2004), однако без передачи генетических примесей (Olalde et al. 2018). Таким образом, рассмотренные сценарии культурно-генетического единения в одних случаях предполагали абсолютно мирное сосуществование народов разных культур, а в других — протекали насильственно.

Во II тыс. до н.э, когда миграции скотоводов и земледельцев завершились, а также возникло более стратифицированное общество бронзового века во главе с военными элитами, роль несвободных и простолюдинов в структуре социума просматривается наиболее отчётливо (Horn, Kristiansen 2018). Например, в скандинавских курганах хоронили исключительно свободное население, что составляло около 20%: его представителями являлись земледельцы, организовывавшие торговлю и набеги при поддержке соплеменников (Holst et al. 2013). Если верить сравнительным исследованиям, подобные группы были связаны друг с другом посредством ритуально организованных сообществ (Hayden 2018). В Дании значительная часть населения захоронена не в курганах, а в могилах двух типов (галерейных и плиточных) с небольшим числом инвентаря или вообще без него. Среди погребённых нередко встречаются женщины и дети, чего не сказать о могильниках элит, где их число ниже (Bergerbrant et al. 2017). Можно утверждать: могилы предназначались для простолюдинов или несвободных, причём неместного происхождения. В Центральной Европе, например, эти категории населения хоронили в ямах и без инвентаря. Очередной критерий, определяющий статус умерших, — это остатки пищи, т.е. диета, в захоронениях (Knipper et al. 2015). От страты к страте качество еды отличалось (Knipper et al. 2015a; Knipper et al. 2014).

Оговоримся и о рабах. Когда в Средиземноморье возникли города-государства, спрос на рабов вырос, не последнюю роль в этом процессе сыграла Римская империя. Работоторговля стала прибыльным предприятием. Пожалуй, наибольшего размаха она достигла в кельтском мире, где невольников, похоже, обменивали на вино (Kristiansen 1998: 346). Не исключено, что одна из причин миграций кельтов объяснялась именно стремлением захвата рабов с целью продажи.

МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ / ИНКЛЮЗИИ ВО ВРЕМЯ ЭКСПАНСИИ КУЛЬТУР

Очередной проблемой, которая непременно нуждается в пересмотре, является понимание формирования и функционирования культурных, а также этнических идентичностей как в течение, так и после экспансий и миграций. И, что важнее, как эти категории связаны с генетикой (Kristiansen et al. 2017). Знания о данных процессах могут быть актуальны только в тандеме археологии и генетики (Eisenmann et al. 2018). Однако что мы знаем об этом сейчас?

Согласно анализу погребальных ритуалов в Западной Евразии фиксируются соответствия в миграциях сообществ ямной культуры, а также культуры шнуровой керамики и культуры колоколовидных кубков (Furholt 2019). Перечисленные группы контрастировали с земледельческими культурами, занимавшими локальные участки с качественной почвой, отвоёванные у лесов. Земледельцы довольно часто подвергались набегам воинов культур, обсуждавшихся выше, что в итоге привело к обозначению этнических границ. Это зафиксировано в источниках (Cameron 2016: chapter 5). Самобытность сообществ, принадлежащих к культуре шнуровой керамики, например, представлена воинскими захоронениями, как правило, единого типа (Vandkilde 2018; Bourgeois 2017), что, может быть, связано с практикой воспитания приёмных сыновей (Knipper et al. 2017). М. Фурхольт (Furholt 2017) предположил: такая однородность материальной культуры объясняется, вероятно, мобильностью населения, распространившегося по обширным территориям. Изучение более поздних миграций, как, например, в период латен, показывает, что мигрирующие народы часто обладали некими общими символическими элементами, составляющими их идентичности, при этом, несомненно, демонстрировали и культурные различия (Kristiansen 1998: 399—411; Hedeager 2011).

При столкновении с другими народами мигрирующие сообщества имели решающее значение для формирования альянсов в сегментарной структуре. Людей вне своей группы они презирали и убивали, как, например, в Пёммельте (Römmelte), где между 2300 и 2000 гг. до н.э. 27 молодых мужчин умертвили, затем сбросили в ямы близ ритуального

сооружения (Spatzier 2017)⁷. Нечто похожее зафиксировано в Пепкинском кургане абашевской культуры в России, где захоронено около трёх десятков мужчин со следами насильственного умерщвления и два отдельно положенных черепа (Mednikova, Lebedinskaya 2000). Таким образом, в доисторическую эру именно локальные вспышки насилия были распространены больше, чем крупномасштабные организованные войны.

В рамках проблемы миграций важно уделить внимание изменениям в языке (Hornborg 2014). По этнографическим данным (Lansing et al. 2017), господствующим языком является тот, что доминирует в принимающем культурном укладе, в котором проживают супруги после брака. Например, общества бронзового и медного веков были патрилинейными, в них существовало патрилокальное проживание пары, а также принятие соответствующего языка в качестве основного. Так, например, в Западной Евразии основными языками были индоевропейские, что соответствовало истории о том, как племена индоевропейцев завоевали Европу. В этой связи я предполагаю, что патрилокальные воинские сообщества III тыс. до н.э., мигрируя, продвигали также экспансию индоевропейских языков.

Во II тыс. до н.э. становление новых региональных идентичностей, во многом оформленных благодаря межрегиональным торговым путям, миграциям, привело к формированию региональных диалектов, а позднее и таких языков, как кельтский, итальянский, германский, греческий. Перечисленные языки, вполне возможно, могли иметь корни во II тыс. до н.э. (Kristiansen 2017; Reher, Fernandez-Götz 2015). С возникновением межрегиональной торговли, а также распространением миграций и экспансий, столкнувшихся народы, стали оформляться международные «тайные союзы» (Hayden 2017), однако институты вождей оставались более закрытыми (Kristiansen 2017). Принадлежность к таким братствам воинов позволяла их членам путешествовать, минуя региональные и местные этнические группы. Среди этих путешественников были в основном свободные земледельцы и вожди. Совместно они могли создавать конфедерации для выгодной торговли и дальних странствий. Например, в Дании это особенно отразилось в иностранных названиях географических местностей. Вероятно, не лишне обозначить и пример с греками, который, быть может, окажется нагляднее. И. Малкин (Malkin 2011), исследуя процесс великой греческой колонизации, продемонстрировал, как в Средиземноморье была создана сеть колоний и полисов, которые, благодаря торговцам,

⁷ За последние 30 лет, благодаря спасательной археологии, обнаружено множество захоронений погибших в результате массовых убийств. Могилы найдены в поселениях, у фортификаций, на полях предполагаемых сражений Европы доисторического периода, это подтверждает тезис, что в ту эпоху преобладали мелкие, локальные военные стычки, иначе говоря, рейды, а вовсе не организованные войны (Armit 2010; Harding 2013).

развили греческую культуру, в особенности язык, без какого-либо централизованного правительства. «Формирование этих общих черт было не чем иным, как процессом конвергенции через дивергенцию» (Malkin 2011: 5). Параллельно такой прогресс стимулировал экономический рост, а также увеличение благосостояния греческих прибрежных городов-государств (Morris 2005).

В заключение отметим, что использование греческой либо финикийской модели для интерпретации более ранних культурных экспансий, например III—II тыс. до н.э., чётко согласуется с информацией из источников. Таким образом, можно предположить, что увеличение населения эпохи неолита, продолжавшееся в бронзовом и железном веках, имеет сходства, среди которых наиболее выдающиеся — это культурный и космологический этос.

ДВЕ КУЛЬТУРЫ: ГДЕ ОНИ СЕЙЧАС?

Археология — дитя, увы, невозможного романа между эпохой Просвещения и временем Романтизма, своего рода гибридная дисциплина, сочетающая науку, а также материальную историю человека. Со времён Просвещения, когда наука начала путь к преобразованию мира, история, как и другие гуманитарные дисциплины, боролась за формирование традиции изучения противоположных дискурсов (рис. 4). Такой процесс описан Э. Вольфом в его последней книге: «Отслеживание истории становления наших концепций заставляет нас осознать, в какой степени они включают в себя интеллектуальные и политические усилия, которые до сих пор отражаются в настоящем» (Wolf 1999: 22). Иначе говоря, по его словам, изначальный спор между просветителями и их оппонентами лёг в основу последующих дискуссий. «Несомненно, столкновение идей провоцировало реакцию, определявшую позицию при следующей дискуссии. Просветители в прениях с оппонентами придерживались логики разума, выступая против устаревших обычаев и традиций или того, что Исайя Берлин

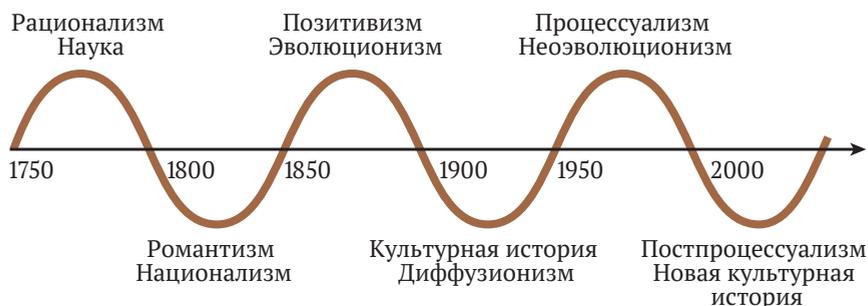

Рис. 4. Циклическое колебание дискурса между гуманистическим и научно обоснованным пониманием мира

звал Контрпросвещением. Затем Маркс и Энгельс совместно изменили аргументы, выдвинутые двумя сторонами, создав революционную критику общества, породившую в итоге обе позиции. Аргументы, выдвинутые этой чередой критиков, в свою очередь, вызвали реакцию против всех универсалистских схем, которые так или иначе предусматривали общее трансцендентное движения для человечества. Этот партикуляризм направлен против ньютоновской физики, дарвиновской биологии и гегелевской мегаистории и, несомненно, марксистской критики, подчинявших историю мира конечной телеологической цели» (Wolf 1999: 22).

Приведённая отсылка на дебаты XIX в. содержит описание большинства проблем, характерных для более поздних дискуссий в рамках как процессуальной, так и постпроцессуальной археологии. Однако когда это завершится? Наблюдаем ли мы очередное циклическое колебание и, если да, как долго это продлится? Я предлагаю наконец пересечь черту по направлению к подлинно научной парадигме уже сейчас, когда мы осознаём итоги генетической революции, что позволяет нам приступить к разработке новых теоретических интерпретаций. Представленная статья — стремление внести вклад в реализацию этой цели, для достижения которой несомненно, потребуется время. Отмечу, что в связи с огромным интересом к выдвинутой проблематике необходимо сделать результаты исследований доступными максимальному количеству желающих (Kristiansen 2014: 25; Frieman, Hoffman 2019; Heyd 2017). Прошлое всегда старались использовать в политических целях, как во благо, так и во зло (Diaz-Andreu 2007). И хотя ряд исследователей в настоящее время озабочены, так сказать, тёмной стороной неправомерного использования научной информации (Hakenbeck 2019)⁸, это не должно приводить к политическим ограничениям академической свободы. Скорее наоборот, нам, учёным, важно участвовать в процессе распространения новых результатов исследований, будь то написание научно-популярных книг, статей или работа с научными журналистами, поскольку их публикации так или иначе формируют общественное мнение. Сегодня мы, археологи, переживаем один из самых захватывающих периодов в истории нашей дисциплины, однако важно помнить, что нам в то же время следует не только заниматься наукой, но и, что важно, способствовать распространению научных знаний в обществе, в котором живём.

⁸Вероятно, одним из самых фальсифицированных нарративов прошлого стало создание концепций национальной исключительности (Kohl, Fawcett 1995) европейских народов. Однако, согласно данным палеогенетики (aDNA), европейцы, наоборот, принадлежат к одной «генетической семье», и, соответственно, вряд ли можно говорить о каком-то этническом доминировании (Vojs 2017).

REFERENCES

- Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.-G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P., Schroeder H., Ahlström T., Vinner L., Malaspinas A.-S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P.R., Ebel A.V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolář J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Pálfi G., Pokutta D., Pospieszny Ł., Price T.D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrčka V., Soenov V.I., Szeverényi V., Tóth G., Trifanova S.V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Pontén T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. 2015. Population, Genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*, vol. 522, 167–172. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature14507>.
- Amorin C.E., Vai G.S., Posth C., Modi A., Koncz I., Hakenbeck S., La Rocca M.C., Mende B., Bobo D., Pohl W., Baricco L.P., Bedini E., Francalacci P., Giostra C., Vida T., Winger D., von Freeden U., Ghirotto S., Lari M., Barbujani G., Krause J., Caramelli D., Geary P.J., Veeramah K.R. 2018. Understanding 6th-Century Barbarian Social Organization and Migration through Paleogenomics. *Nature Communications*, no. 9 (3547). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-018-06024-4>.
- Andresen M. 2004. *Studien zur Geschichte und Methodik der Archäologischen Migrationsforschung*. Waxman, Münster, New York, München, and Berlin.
- Anthony D.W. 1990. Migration in Archaeology: The Baby and the Bathwater. *American Anthropologist*, vol. 92, 895–914.
- Anthony D.W. 1997. Prehistoric Migration as Social Process. *British Archaeological Reports. International Series 664. Migrations and Invasions in Archaeological Explanation*. Ed. by J. Chapman and H. Hamerow. Oxford: Archaeopress, 21–32.
- Anthony D.W. 2007. *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton: Princeton University Press.
- Armit I. 2010. Violence and Society in the Deep Human Past. *British Journal of Criminology: Advance Access*, vol. 51, iss. 3, 499–517. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjc/azq076>.
- Bánffy E. 2004. *The 6th Millennium BC Boundary in Western Transdanubia and Its Role in the Central European Neolithic Transition. The Szentgyörgyvölgyi-Pityerdomb Settlement*. Budapest: Archaeological Institute of the HAS.
- Bánffy E. 2013. Tracing the Beginnings of Sedentary Life in the Carpathian Basin: On the Formation of the LBK House. *Tracking the Neolithic House in Europe*. Ed. by D. Hofmann, J. Smyth. New York: Springer, 117–149. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5289-8_6.
- Bánffy, E. 2019. First Farmers of the Carpathian Basin: Changing Patterns in Subsistence, Ritual and Monumental Figurines. *Prehistoric Society Research. Paper 8*. Oxford, Philadelphia: Oxbow Books.
- Bergerbrant S., Kristiansen K., Allentoft M.E., Frei K.M., Price T.D., Sjögren K.-G., Tornberg A. 2017. Identifying Commoners in the Early Bronze Age: Burials Outside Barrows. *New Perspectives on the Bronze Age*. Ed. by S. Bergerbrant and A. Wessman. Oxford: Archaeopress, 37–64.
- Bojs K. 2017. *My European Family. The first 54.000 years*. London: Bloomsbury.
- Bourgeois Q. 2017. The Impact of Male Burials on the Construction of Corded Ware Identity: Reconstructing Networks of Information in the 3rd Millennium BC. *PLOS ONE*, vol. 12 (10). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0185971>.

- Burmeister S. 2000. Archaeology and Migration: Approaches to an Archaeological Proof of Migration. *Current Anthropology*, vol. 41, 539–567. DOI: <https://doi.org/10.1086/317383>.
- Callaway H. 2018. The Battle for Common Ground. *Nature*, vol. 555, 574–576.
- Cameron C. 2016. *Captives: How Stolen People Changed the World*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Case H. 2004. *Beakers and the Beaker Culture*. In *Similar but Different: Bell Beakers in Europe*. Ed. by J. Czebreszuk. Poznan: Adam Mickiewicz University, 11–34.
- Chenal F., Perrin B., Barrand-Emam H. 2015. A Farewell to Arms: A Deposit of Human Limbs and Bodies at Bergheim, France, c. 4000 BC. *Antiquity*, vol. 89 (348), 1313–1330. DOI: <https://doi.org/10.15184/aqy.2015.180>.
- Chyleński M., Juras A., Ehler E., Malmström H., Piontek J., Jakobsson M., Marciniak A., Dabert M. 2017. Late Danubian Mitochondrial Genomes Shed Light into the Neolithisation of Central Europe in the 5th Millennium BC. *BMC Evolutionary Biology*, no. 17, 80. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12862-017-0924-0>.
- Coole D.H., Frost S. 2010. *New Materialisms: Ontology, Agency, and Politics*. Durham: Duke University Press. DOI: <https://doi.org/10.1215/9780822392996>.
- Damgaard P. de Barros, Marchi N., Rasmussen S., Peyrot M., Renaud G., Korneliussen T., Moreno-Mayar J.V., Pedersen M.W., Goldberg A., Usmanova E., Baimukhanov N., Loman V., Hedeager L., Pedersen A.G., Nielsen K., Afanasiev G., Akmatov K., Aldashev A., Alpaslan A., Baimbetov G., Bazaliiskii V.I., Beisenov A., Boldbaatar B., Boldgiv B., Dorzhu C., Ellingvag S., Erdenebaatar D., Dajani R., Dmitriev E., Evdokimov V., Frei K.M., Gromov A., Goryachev A., Hakonarson H., Hegay T., Khachatryan Z., Khaskhanov R., Kitov E., Kolbina A., Kubatbek T., Kukushkin A., Kukushkin I., Lau N., Margaryan A., Merkyte I., Mertz I.V., Mertz V.K., Mijiddorj E., Moiyesev V., Mukhtarova G., Nurmukhanbetov B., Orozbekova Z., Panyushkina I., Pieta K., Smrčka V., Shevnina I., Logvin A., Sjögren K.G., Štolcová T., Tashbaeva K., Tkachev A., Tulegenov T., Voyakin D., Yepiskoposyan L., Undrakhbold S., Varfolomeev V., Weber A., Krادين N., Allentoft M.E., Orlando L., Nielsen R., Sikora M., Heyer E., Kristiansen K., Willerslev E. 2018. 137 Ancient Human Genomes from Across the Eurasian Steppes. *Nature*, vol. 557 (7705), 369–374. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41586-018-0094-2>.
- Díaz-Andreu García M. 2007. *A World History of Nineteenth-Century Archaeology: Nationalism, Colonialism, and the Past*. Oxford: Oxford University Press.
- Downe S.S., Haas W.R., Shennan S. 2016. European Neolithic Societies Showed Early Warning Signals of Population Collapse. *PNAS*, vol. 113 (35), 9751–9756. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1602504113>.
- Eisenmann S., Bánffy E., van Dommelen P., Hofmann K.P., Maran J., Lazaridis I., Mittnik A., McCormick M., Krause J., Reich D., Stockhammer P.W. 2018. Reconciling Material Cultures in Archaeology with Genetic Data: The Nomenclature of Clusters Emerging from Archaeogenomic Analysis. *Nature Scientific Reports*, no. 8 (13003). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-018-31123-z>.
- Fernandes D.M., Strapagiel D., Barówka P., Marciniak B., Żądzińska E.Ż., Sirak K., Siska V., Grygiel R., Carlsson J., Manica A., Lorkiewicz W., Pinhasi R. 2018. A Genomic Neolithic Time Transect of Hunter-Farmer Admixture in Central Poland. *Nature Scientific Reports*, no. 8 (14879). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-018-33067-w>.
- Frei K.M., Bergerbrant S., Sjögren K.-G., Jørkov M.L., Lynnerup N., Harvig L., Allentoft M.E., Sikora M., Price T.D., Frei R., Kristiansen K. 2019. Mapping Human Mobility during the Third and Second Millennia BC in Present-Day Denmark. *PLOS ONE*, vol. 14 (8), e0219850. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0219850>.

- Frei K.M., Mannering U., Kristiansen K., Allentoft M.E., Wilson A.S., Skals I., Tridico S., Nosch M.L., Willerslev E., Clarke L., Frei R. 2015. Tracing the Life Story of a Bronze Age Girl with High Societal Status. *Nature Scientific Reports*, no. 5 (10431). DOI: <https://doi.org/10.1038/srep10431>.
- Frei K.M., Villa C., Jørkov M.-L., Allentoft M.E., Kaul F., Ethelberg P., Reiter S.S., Wilson A.S., Taube M., Olsen J., Lynnerup N., Willerslev E., Kristiansen K., Frei R. 2017. A Matter of Months: High Precision Migration Chronology of a Bronze Age Female. *PLOS ONE*, vol. 12 (6). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0178834>.
- Frieman C.J., Hofmann D. 2019. Present Pasts in the Archaeology of Genetics, Identity, and Migration in Europe: A Critical Essay. *World Archaeology*, vol. 51 (4), 528–545. DOI: <https://doi.org/10.1080/00438243.2019.1627907>.
- Furholt M. 2017. Translocal Communities – Exploring Mobility and Migration in Sedentary Societies of the European Neolithic and Early Bronze Age. *Præhistorische Zeitschrift*, vol. 92 (2), 304–321. DOI: <https://doi.org/10.1515/pz-2017-0024>.
- Furholt M. 2018. Massive Migrations? The Impact of Recent aDNA Studies on our View of Third Millennium Europe. *European Journal of Archaeology*, vol. 21 (2), 159–191. DOI: <https://doi.org/10.1017/eea.2017.43>.
- Furholt M. 2019. Re-integrating Archaeology: A Contribution to aDNA Studies and the Migration Discourse on the 3rd Millennium BC in Europe. *Proceedings of the Prehistoric Society*, vol. 85, 115–129. DOI: <https://doi.org/10.1017/ppr.2019.4>.
- Gell A. 1998. *Art and Agency: An Anthropological Theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Goldberg A., Günther T., Rosenberg N.A., Jakobsson M. 2017. Ancient X-chromosomes Reveal Contrasting Sex Bias in Neolithic and Bronze Age Eurasian Migrations. *PNAS*, vol. 114 (10), 2657–2662. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1616392114>.
- Gosden C. 2004. *Archaeology and Colonialism: Cultural Contact from 5000 BC to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Garrido Pena R., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S.L., Risch R., Rojo Guerra M.A., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Werner Alt K., Reich D. 2015. Massive Migration from the Steppe was a Source for Indo-European Languages in Europe. *Nature*, vol. 522 (7555), 207–211. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature14317>.
- Hakenbeck S. 2019. Genetics, Archaeology and the Far Right: An Unholy Trinity. *World Archaeology*, vol. 51, 517–527. DOI: <https://doi.org/10.1080/00438243.2019.1617189>.
- Harding A. 2013. Velim and Violence. *CPAG*, vol. 23, 165–182.
- Hayden B. 2018. *The Power of Ritual in Prehistory. Secret Societies and Origins of Social Complexity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hedeager L. 2011. *Iron Age Myth and Materiality*. London: Routledge.
- Heyd V. 2016. Das Zeitalter der Ideologien (The Age of Ideologies): Migration, Interaktion und Expansion im prähistorischen Europa des 4. und 3. Jahrtausends v.Chr. *Transitional landscapes? The 3rd millennium BC in Europe*. Ed. by M. Furholt, R. Großmann, and M. Szmyt. Bonn: Kommission bei Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 53–85.

- Heyd V. 2017 Kossina's Smile. *Antiquity*, vol. 91 (356), 348–359. DOI: <https://doi.org/10.15184/aqy.2017.21>.
- Hinz M., Feeser I., Sjögren K.-G., Müller J. 2012. Demography and the Intensity of Cultural Activities: An Evaluation of Funnel Beaker Societies (4200–2800 ca BC). *Journal of Archaeological Science*, vol. 39, 3331–3340. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.05.028>.
- Holst M.K., Rasmussen M., Bech J.-H., Kristiansen K. 2013. Bronze Age “Herostrats”: Ritual, Political, and Domestic Economies in Early Bronze Age Denmark. *Proceedings of the Prehistoric Society*, vol. 79, 1–32. DOI: <https://doi.org/10.1017/ppr.2013.14>.
- Horn C., Kristiansen K. (eds.) 2018. *Warfare in Bronze Age Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hornborg A. 2014. Political Economy, Ethnogenesis, and Language Dispersals in the Prehispanic Andes: A World-System Perspective. *American Anthropologist*, vol. 116 (4), 810–823. DOI: <https://doi.org/10.1111/aman.12145>.
- Hornborg A. 2016. *Global Magic. Technologies of Appropriation from Ancient Times to Wall Street*. New York: Palgrave Macmillan.
- Ion A. 2017. How Interdisciplinary is Interdisciplinarity? Revisiting the Impact of aDNA Research for the Archaeology of Human Remains. *Current Swedish Archaeology*, no. 25, 177–198.
- Juras A., Chyleński M., Ehler E., Malmström H., Żurkiewicz D., Włodarczak P., Wilk S., Peška J., Fojtík P., Králík M., Libera J., Bagińska J., Tunia K., Kločko V.I., Dabert M., Jakobsson M., Koško A. 2018. Mitochondrial Genomes Reveal an East to West Cline of Steppe Ancestry in Corded Ware Populations. *Nature Scientific Reports*, no. 8 (11603). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-018-29914-5>.
- Knipper C., Fragata M., Nicklisch N., Siebert A., Szécsényi-Nagy A., Hubensack V., Metzner-Nebelsick C., Meller H., Alt K.W. 2015. A Distinct Section of the Early Bronze Age Society? Stable Isotope Investigations of Burials in Settlement Pits and Multiple Inhumations of the Unetice Culture in Central Germany. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 159 (3), 496–516. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.22892>.
- Knipper C., Held P., Fecher M., Nicklisch N., Meyer C., Schreiber H., Zich B., Metzner-Nebelsick C., Hubensack V., Hansen L., Nieveler E., Alt K.W. 2015a. Superior in Life – Superior in Death: Dietary Distinction of Central European Prehistoric and Medieval Elites. *Current Anthropology*, vol. 56 (4), 579–589. DOI: <https://doi.org/10.1086/681536>.
- Knipper C., Meyer C., Jacobi F., Roth C., Fecher M., Stephan E., Schatz K., Hansen L., Posluschny A., Höppner B., Maus M., Pare C.F.E., Alt K.W. 2014. Social Differentiation and Land Use at an Early Iron Age “Princely Seat”: Bioarchaeological Investigations at the Glauberg (Germany). *Journal of Archaeological Science*, vol. 41, 818–835. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2013.09.019>.
- Knipper C., Mittnik A., Massy K., Kociumaka C., Kucukkalipci I., Maus M., Wittenborn F., Metz S.E., Staskiewicz A., Krause J., Stockhammer P.W. 2017. Female Exogamy and Gene Pool Diversification at the Transition from the Final Neolithic to the Early Bronze Age in Central Europe. *PNAS*, vol. 114 (38), 10083–10088. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1706355114>.
- Kohl P.L., Fawcett C. 1995. *Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kradin N.N., Bondarenko D., Barfield T. (eds.) 2003. *Nomadic Pathways in Social Evolution*. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences.

- Kristiansen K. 1989. Prehistoric Migrations — the Case of the Single Grave and Corded Ware Cultures. *Journal of Danish Archaeology*, no. 8, 211–225. DOI: <https://doi.org/10.1080/0108464X.1989.10590029>.
- Kristiansen K. 1998. *Europe before History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kristiansen K. 2014. Towards a New Paradigm? The Third Science Revolution and Its Possible Consequences in Archaeology. *Current Swedish Archaeology*, vol. 22, 11–34. DOI: <https://doi.org/10.37718/CSA.2014.01>.
- Kristiansen K. 2017. Bronze Age Identities. From Social to Cultural and Ethnic Identity. *A Companion to Ethnicity in the Ancient Mediterranean*. Ed. by J. McNery. Malden, Oxford, and Chichester: Wiley Blackwell, 82–96.
- Kristiansen K. 2018. Warfare and the Political Economy: Europe 1500–1100 BC. *Warfare in Bronze Age Society*. Ed. by C. Horn, K. Kristiansen. Cambridge: Cambridge University Press, 23–46.
- Kristiansen K. 2019. Who is Deterministic? On the Nature of Interdisciplinary Research in Archaeology. *Archaeological Dialogues*, no. 26 (1), 12–14. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1380203819000060>.
- Kristiansen K., Allentoft M.E., Frei K.M., Iversen R., Johannsen N.N., Kroonen G., Pospieszny Ł., Price T.D., Rasmussen S., Sjögren K.-G., Sikora M., Willerslev E. 2017. Re-Theorising Mobility and the Formation of Culture and Language among the Corded Ware Culture in Europe. *Antiquity*, vol. 91 (356), 334–347. DOI: <https://doi.org/10.15184/aqy.2017.17>.
- Kristiansen K., Earle T. (in press). Modelling Modes of Production: European 3rd and 2nd Millennium BC Economies. *Ancient Economies in Comparative Perspective*. Ed. by Poettinger, Frapigane, and Schefold.
- Kristiansen K., Larsson T.B. 2005. *The Rise of Bronze Age Society: Travels, Transmissions and Transformations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kristinsson A. 2010 *Expansions: Competition and Conquest in Europe Since the Bronze Age*. Reykjavík: Reykjavík Akadémían.
- Kristinsson A. 2012. Indo-European Expansion Cycles. *The Journal of Indo-European Studies*, vol. 40 (3-4), 365–433.
- Lansing J.S., Abundo C., Jacobs G.S., Guillot E.G., Thurner S., Downey S.S., Chew L.Y., Bhattacharya T., Chung N.N., Sudoyo H., Cox M.P. 2017. Kinship Structures Create Persistent Channels for Language Transmission. *PNAS*, vol. 114 (49), 12910–12915. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1706416114>.
- Larsen C.S. 2014. Life Conditions and Health in Early Farmers. A Global Perspective and Consequences of a Fundamental Transition. Early Farmers. The View from Archaeology and Science. Ed. by A. Whittle, P. Bickle. *Proceedings of the British Academy*, vol. 198. Oxford: Oxford University Press, 215–232.
- Liedman S.-E. 2018. *A World to Win: The Life and Works of Karl Marx*. Transl. by J.N. Skinner. London, New York: Verso.
- Lincoln B. 1981. *Priests, Warriors and Cattle, A Study in the Ecology of Religion*. Los Angeles, London, Berkley: University of California Press.
- Ling J., Earle T., Kristiansen K. 2018. Maritime Mode of Production. Raiding and Trading in Seafaring Chiefdoms. *Current Anthropology*, vol. 59 (5). DOI: <https://doi.org/10.1086/699613>.
- Lipson M., Szécsényi-Nagy A., Mallick S., Pósa A., Stégmár B., Keerl V., Rohland N., Stewardson K., Ferry M., Michel M., Oppenheimer J., Broomandkhoshbacht N., Harney E., Nordenfelt S., Llamas B., Gusztáv Mende B., Köhler K., Oross K., Bondár M., Marton T., Osztás A., Jakucs J., Paluch T., Horváth F., Csengeri P., Koós J., Sebők K., Anders A., Raczky P., Regenye J., Barna J.P., Fábíán S., Serlegi G., Toldi Z., Gyöngyvér Nagy E., Dani J., Molnár E., Pálfi G., Márk L.,

- Melegh B., Bánfai Z., Domboróczy L., Fernández-Eraso J., Mujika-Alustiza J.A., Alonso Fernández C., Jiménez Echevarría J., Bollongino R., Orschiedt J., Schierhold K., Meller H., Cooper A., Burger J., Bánffy E., Alt K.W., Lalueza-Fox C., Haak W., Reich D. 2017. Parallel Palaeogenomic Transects Reveal Complex Genetic History of Early European Farmers. *Nature*, vol. 551, 368–372. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature24476>.
- Lucas G. 2015. The Mobility of Theory. *Current Swedish Archaeology*, no. 23, 13–31.
- Malkin I. 2011. *A Small Greek World: Networks in the Ancient Mediterranean*. Oxford: Oxford University Press.
- Marx K. 1953. *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie: (Rohentwurf) 1857–1858: Anhang 1850–1859*. Berlin: Dietz.
- Marx K. 1974. *Grundrisse. Foundations of the Critique of Political Economy (Rough Draft)*. London: Penguin Books, in association with New Left Review.
- Mathiesson I., Alpaslan-Roodenberg S., Posth C., Szécsényi-Nagy A., Rohland N., Mallick S., Olalde I., Broomandkoshbacht N., Candilio F., Cheronet O., Fernandes D., Ferry M., Gamarra B., González Fortes G., Haak W., Harney E., Jones E., Keating D., Krause-Kyora B., Kucukkalipci I., Michel M., Mittnik A., Nägele K., Novak M., Oppenheimer J., Patterson N., Pfrenkle S., Sirak K., Stewardson K., Vai S., Alexandrov S., Alt K.W., Andreescu R., Antonović D., Ash A., Atanassova N., Bacvarov K., Gusztáv M.B., Bocherens H., Bolus M., Boroneanț A., Boyadzhiev Y., Budnik A., Burmaz J., Chohadzhiev S., Conard N.J., Cottiaux R., Čuka M., Cupillard C., Drucker D.G., Elenski N., Francken M., Galabova B., Ganetsovski G., Gély B., Hajdu T., Handzhyska V., Harvati K., Higham T., Iliev S., Janković I., Karavanić I., Kennett D.J., Komšo D., Kozak A., Labuda D., Lari M., Lazar C., Leppek M., Leshtakov K., Lo Vetrol D., Lozanov I., Malina M., Martini F., McSweeney K., Meller H., Mendušić M., Mirea P., Moiseyev V., Petrova V., Price T.D., Simalcsik A., Sineo L., Šlaus M., Slavchev V., Stanev P., Starović A., Szeniczey T., Talamo S., Teschler-Nicola M., Thevenet C., Valchev I., Valentin F., Vasilyev S., Veljanovska F., Venelinova S., Veselovskaya E., Viola B., Virag C., Zaninović J., Zäuner S., Stockhammer P.W., Catalano G., Krauß R., Caramelli D., Zariņa G., Gaydarska B., Lillie M., Nikitin A.G., Potekhina I., Papathanasiou A., Borić D., Bonsall C., Krause J., Pinhasi R., Reich D. 2018. The Genomic History of Southeastern Europe. *Nature*, vol. 555 (7695), 197–203. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature25778>.
- Mednikova M., Lebedinskaya G. 2000. A Bronze Age Battle in European Russia: The Palaeopathological Evidence. *Paleopathology Association: Papers and Posters Presented at the Thirteenth Biennale European Members Meeting, 20*.
- Meyer C., Ganslmeier R., Dresely V., Alt K.W. 2012. New Approaches to the Reconstruction of Kinship and Social Structure based on Bioarchaeological Analysis of Neolithic Multiple and Collective Graves. *Theoretical and Methodological Considerations in Central European Neolithic Archaeology, British Archaeological Reports International Series 2325*. Ed. by J. Kolář, F. Trampota. Oxford: Archaeopress, 11–23.
- Meyer C., Knipper C., Nicklisch N., Münster A., Kürbis O., Dresely V., Meller H., Alt K.W. 2018. Early Neolithic Executions Indicated by Clustered Cranial Trauma in the Mass Grave of Halberstadt. *Nature Communications*, no. 9 (2472). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-018-04773-w>.
- Meyer C., Kürbis O., Dresely V., Alt K.W. 2018a. Patterns of Collective Violence in the Early Neolithic of Central Europe. *Prehistoric Warfare and Violence. Quantitative and Qualitative Approaches*. Ed. by A. Dolfini, R.J. Crellin, C. Horn, M. Uckelmann. Cham: Springer, 21–38.

- Mittnik A., Massy K., Knipper C., Wittenborn F., Friedrich R., Pfrenkle S., Burri M., Carlichi-Witjes N., Deeg H., Furtwängler A., Harbeck M., von Heyking K., Kocimaka C., Kucukkalipci I., Lindauer S., Met S., Staskiewicz A., Thiel A., Wahl J., Haak W., Pernicka E., Schiffels S., Stockhammer P.W., Krause J. 2019. Kinship-based Social Inequality in Bronze Age Europe. *Science*, vol. 366 (6466), 731–734. DOI: doi.org/10.1126/science.aax6219.
- Morris I. 2005. Archaeology, Standards of Living and Greek Economic History. *The Ancient Economy. Evidence and Models*. Ed. by J.G. Manning, I. Morris. Stanford: Stanford University Press, 91–126.
- Muhl A., Meller H., Heckenhahn K. 2010. *Tatort Eulau. Ein 4500 Jahre altes Verbrechen wird Aufgeklärt*. Stuttgart: Theiss.
- Müller J. 2015. Eight Million Neolithic Europeans: Social Demography and Social Archaeology on the Scope of Change – from the Near East to Scandinavia. *Paradigm Found. Archaeological Theory Present, Past and Future: Essays in Honour of Evzen Neustupny*. Ed. by K. Kristiansen, L. Smedja, J. Turek. Oxford: Oxbow Books, 200–215.
- Münster A., Knipper C., Oelze V.M., Nicklisch N., Steche M., Schlenker B., Ganslmeier R., Fragata M., Friederich S., Dresely V., Hubensack V., Brandt G., Döhle H.-J., Vach W., Schwarz R., Metzner-Nebelsick C., Meller H., Alt K.W. 2018. 4000 Years of Human Dietary Evolution in Central Germany, from the First Farmers to the First Elites. *PLOS ONE*, vol. 13 (3). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0194862>.
- Neustupny E. 2012 Towards a New Paradigm. *Prace Komisji Archeologicznej, vol. 19, Rytm przemian kulturowych w pradziejach i sredniowieczu*. Ed. by B. Gediga, A. Grossman, W. Piotrowski. Biskupin, Wrocław: Muzeum Archeologiczne w Biskupinie, 1–26.
- Nicolaisen I. 1976. The Penan of the Seventh Division of Sarawak: Past, Present and Future. *Sarawak Museum Journal (New Series)*, vol. 24 (45), 35–61.
- Nikitin A.G., Stadler P., Kotova N., Teschler-Nicola M., Price T.D., Hoover J., Kennett D.J., Lazaridis I., Rohland N., Lipson M., Reich D. 2019. Interactions between Earliest Linearbandkeramik Farmers and Central European Hunter Gatherers at the Dawn of European Neolithization. *Nature Scientific Reports*, no. 9 (19544). DOI: <https://doi.org/10.1101/741900>.
- Olalde I., Brace S., Allentoft M.E., Armit I., Kristiansen K., Booth T., Rohland N., Mallick S., Szécsényi-Nagy A., Mittnik A., Altena E., Lipson M., Lazaridis I., Harper T.K., Patterson N., Broomandkoshbacht N., Diekmann Y., Faltyskova Z., Fernandes D., Ferry M., Harney E., de Knijff P., Michel M., Oppenheimer J., Stewardson K., Barclay A., Alt K.W., Liesau C., Ríos P., Blasco C., Miguel J.V., García R.M., Fernández A.A., Bánffy E., Bernabò-Brea M., Billoin D., Bonsall C., Bonsall L., Allen T., Büster L., Carver S., Navarro L.C., Craig O.E., Cook G.T., Cunliffe B., Denaire A., Dinwiddy K.E., Dodwell N., Ernée M., Evans C., Kuchařík M., Farré J.F., Fowler C., Gazenbeek M., Pena R.G., Haber-Uriarte M., Haduch E., Hey G., Jowett N., Knowles T., Massy K., Pfrenkle S., Lefranc P., Lemerrier O., Lefebvre A., Heras Martínez C., Olmo V.G., Ramírez A.B., Maurandi J.L., Majó T., McKinley J.I., McSweeney K., Mende B.G., Modi A., Kulcsár G., Kiss V., Czene A., Patay R., Endrődi A., Köhler K., Hajdu T., Szeniczey T., Dani J., Bernert Z., Hoole M., Cheronet O., Keating D., Velemínský P., Dobeš M., Candilio F., Brown F., Fernández R.F., Herrero-Corral A.-M., Tusa S., Carnieri E., Lentini L., Valenti A., Zanini A., Waddington C., Delibes G., Guerra-Doce E., Neil B., Brittain M., Luke M., Mortimer R., Desideri J., Besse M., Brücken G., Furmanek M., Hałuszko A., Mackiewicz M.,

- Rapiński A., Leach S., Soriano I., Lillios K.T., Cardoso J.L., Pearson M.P., Włodarczak P., Price T.D., Prieto P., Rey P.-J., Risch R., Rojo Guerra M.A., Schmitt A., Serralongue J., Silva A.M., Smrčka V., Vergnaud L., Zilhão J., Caramelli D., Higham T., Thomas M.G., Kennett D.J., Fokkens H., Heyd V., Sheridan A., Sjögren K.-G., Stockhammer P.W., Krause J., Pinhasi R., Haak W., Barnes I., Lalueza-Fox C., Reich D. 2018. The Beaker Phenomenon and the Genomic Transformation of Northwest Europe. *Nature*, vol. 555 (7695), 190–196. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature25738>.
- Price D.T., Frei R., Brinker U., Lidke G., Terberger T., Frei K.M., Jantzen D. 2017. Multi-Isotope Proveniencing of Human Remains from a Bronze Age Battlefield in the Tollense Valley in Northeast Germany. *Archaeological and Anthropological Sciences*, vol. 11, 33–49. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-017-0529-y>.
- Prien R. 2005. Roland Prien, Archäologie und Migration. Vergleichende Studien zur archäologischen Nachweisbarkeit von Wanderungsbewegungen. *Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie*, no. 120. Bonn: Habelt, 162–165. DOI: <https://doi.org/10.11588/ger.2007.61231>.
- Racimo F., Sikora M., Schroeder H., Lalueza-Fox C. 2019. Beyond Broad Strokes: Sociocultural Insights from the Study of Ancient Genomes. *Nature Review Genetics*, vol. 21 (6), 355–366. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41576-020-0218-z>.
- Rascovan N., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Nielsen R., Willerslev E., Desnues C., Rasmussen S. 2019. Emergence and Spread of Basal Lineages of *Yersinia Pestis* during the Neolithic Decline. *Cell*, vol. 176 (1-2), 295–305. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cell.2018.11.005>.
- Reher G.S., Fernandez-Götz M. 2015. Archaeological Narratives in Ethnicity Studies. *Archeologické Rozhledy*, vol. LXVII, 400–416. DOI: <https://doi.org/10.35686/AR.2015.20>.
- Sahlins M.D. 1961. The Segmentary Lineage: An Organisation of Predatory Expansion. *American Anthropologist*, vol. 63 (2), 332–345. [HV] DOI: <https://doi.org/10.1525/aa.1961.63.2.02a00050>.
- Schroeder H., Margaryan A., Szmyt M., Theulot B., Włodarczak P., Rasmussen S., Gopalakrishnan S., Szczepanek A., Konopka T., Jensen T.Z.T., Witkowska B., Wilk S., Przybyła M.M., Pospieszny Ł., Sjögren K.-G., Belka Z., Olsen J., Kristiansen K., Willerslev E., Frei K.M., Sikora M., Johannsen N.N., Allentoft M.E. 2019. Blood Ties: Unravelling Ancestry and Kinship in a Late Neolithic Mass Grave. *PNAS*, vol. 116 (22), 10705–10710. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1820210116>.
- Shennan S. 2018. *The First Farmers of Europe. An Evolutionary Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shennan S., Downey S.S., Timpson A., Edinborough K., Colledge S., Kerig T., Manning K., Thomas M.G. 2013. Regional Population Collapse Followed Initial Agriculture Booms in Mid-Holocene Europe. *Nature Communications*, no. 4 (2486). DOI: <https://doi.org/10.1038/ncomms3486>.
- Sjögren K.-G., Olalde I., Carver S., Allentoft M.E., Knowles T., Kroonen G., Pike A.W.G., Schröter P., Brown K.A., Robson-Brown K., Harrison R.J., Bertemes F., Reich D., Kristiansen K., Heyd V. 2020. Kinship and Social Organization in Copper Age Europe. A Cross-Disciplinary Analysis of Archaeology, DNA, Isotopes, and Anthropology from Two Bell Beaker Cemeteries. *PLOS ONE*, vol. 15 (11). DOI: <https://doi.org/10.1101/863944>.
- Sjögren K.-G., Price T.D., Kristiansen K. 2016. Diet and Mobility in the Corded Ware of Central Europe. *PLOS ONE*, vol. 11 (5). DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0155083>.

- Spatzier A. 2017. The Honoured and the Sacrificed? Gender and Violence at a Sanctuary of the Late 3rd Millennium BC in Central Germany (with anthropological analyses by Marcus Stecher and Kurt Alt). *Archaeologies of Gender Violence*. Ed. by U. Mattic, B. Jensen. Oxford: Oxbow Books, 45–76.
- Szécsényi-Nagy A., Keerl V., Jakucs J., Brandt G., Bánffy E., Alt K. 2014. Ancient DNA Evidence for a Homogeneous Maternal Gene Pool in Sixth Millennium cal BC Hungary and the Central European LBK. *Proceedings of the British Academy, vol. 198, Early Farmers. The View from Archaeology and Science*. Ed. by A. Whittle, P. Bickle. Oxford: Oxford University Press, 71–93.
- Sørensen T.F. 2017. Archaeological Paradigms: Pendulum or Wrecking Ball? (A Response to Commentators). *Norwegian Archaeological Review*, vol. 50 (2), 130–134. DOI: <https://doi.org/10.1080/00293652.2017.1388274>.
- Sørensen T.F. 2017a. The Two Cultures and a World Apart: Archaeology and Science at a New Crossroads. *Norwegian Archaeological Review*, vol. 50 (2), 101–115. DOI: <https://doi.org/10.1080/00293652.2017.1367031>.
- Vandkilde H. 2018. Body Aesthetics, Fraternity and Warfare in the Long European Bronze Age. *Warfare in Bronze Age Society*. Ed. by C. Horn, K. Kristiansen. Cambridge: Cambridge University Press, 229–243.
- Veeramah K.R. 2018. The Importance of Fine-Scale Studies for Integrating Paleogenomics and Archaeology. *Current Opinion in Genetics & Development*, vol. 53, 83–89. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.gde.2018.07.007>.
- Whittle A. 2018. *The Times of Their Lives. Hunting History in the Archaeology of Neolithic Europe*. Oxford, Philadelphia: Oxbow Books.
- Witmore T. 2014. Archaeology and the New Materialisms. *Journal of Contemporary Archaeology*, vol. 1 (2), 203–246. DOI: <https://doi.org/10.1558/jca.v1i2.16661>.
- Wolf E. 1999. *Envisioning Power. Ideologies of Dominance and Crisis*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

TOWARDS A NEW PREHISTORY: RE-THEORIZING GENES, CULTURE, AND MIGRATORY EXPANSIONS

Kristiansen Kristian

This paper introduces a theoretical framework for explaining different forms of migratory expansions and how they relate the genetic, cultural and environmental changes during the V–I millennium BCE. Three forms of migratory expansions are proposed: community-based farming colonization, pastoral male dominated migrations, and finally conquest migrations for new land. Forces of change, as well as mechanisms of cultural inclusion and exclusion are outlined. Finally, the future of the third science revolution and its effects is discussed.

Keywords: migratory expansions, cultural inclusion, cultural exclusion, genetic revolution in archaeology, Europe before history, bronze age Europe, political anthropology, mode of production, Neolithisation.